

Алексей Разин

Изяслав-скиталец

**Разин Алексей
Изяслав-скиталец**

Алексей Егорович РАЗИН ИЗЯСЛАВ-СКИТАЛЕЦ

В Олеговом лесу было одно особенно привольное местечко. На откосе горы раскинулась поляна - из лесу на нее выступали четыре дуба, густые, кудрявые, свежие, возле них гремел небольшой ключ, трава свежа и нетоптана. Пониже, под горой, в потных местах, держался кабан; повыше нередко попадался олень; медведь-пустынник ходил за ягодами, лось-сохатый щипал рябиновые побеги.

Со времен Святослава положен на лес строгий запрет, и никто из простых людей не смел в нем тронуть зайца, не то что княжеской зверины: кабана, лося, медведя. Князь Владимир наезжал сюда на охоту, а после него нога человечья почти в него не ступала. Ярослав Мудрый охотником не был, Изяслав тоже охоты не любил, и зверь плодился и жил по своей звериной воле, хотя от Киева до средней Олеговой поляны было не больше пятнадцати верст.

Сюда-то, в это приволье, забрались бояре, княжеские гости, и расположились отдыхать после удачной охоты. Лет пятьдесят не быва-

ло на поляне такого шумного, веселого табора. Под дубами разложены были ковры; на них отдыхали бояре, вкусив роскошной трапезы и выпив сколько надобно для подкрепления. Неподалеку от них лежал огромный медведь, зарезанный боярином Пореем в одиночку, лежал кабан, которому сын новгородского посадника Остромира всадил копьё под лопатку, лежал еще кабан, поменьше, убитый боярином Ратибором.

Шагах в ста от дубов расположилась многочисленная челядь с лошадьми, с собаками. Там разведены были костры, слышался живой говор; кормили собак, провожали дорогих боярских коней; несколько человек возилось вокруг товарища, которому медведь разорвал плечо.

Снизу поднимались в гору человек двенадцать, несших на длинной жерди громадного кабана, убитого все тем же боярином Пореем.

- Сюда! Сюда! - кричал он людям, которые несли кабана. - Обойди с этой стороны! Клади здесь!.. Эх вы, охотники! Закона не знаете! Битым боком вверх кладут зверя! Поверните его! Да пошевеливайтесь, размазня киевская!

- Да, удар хорош! - сказал боярин Ратибор, любуясь узкой раной под лопаткой у зверя. - Стемировский настоящий удар. Это в былые времена Стемир, богатырь, любимец княгини Ольги, так-то, говорят, убивал кабана, не копьем, как мы, грешные, а мечом.

- Молодецкий удар! - заметил боярин Пере-нег, приподнимаясь на локте.

Боярский сын Вышата, сын новгородского посадника, как человек еще очень молодой, ничего не сказал и молча любовался, завидуя силе и верности удара.

Порей, полюбовавшись своей добычей, опять опустился на ковер, заложил руки под голову и стал спокойно смотреть на ясное полуденное осеннее небо.

- Не житье здесь у вас, а масленица! - сказал он наконец, не обращаясь ни к кому особенно. - Этак жить - и умирать не надобно.

- Чем же у вас-то худо, дяденька Порей? - спросил его молодой Вышата.

- Какое у нас житье? - спросил Порей. - А такое, что мы с корочки на корочку во Владимире перебиваемся, и все богатство наше - два веника в коробе да мышь в подполе. Ты

разве не знаешь, что мы с Ростиславом хоть и князья, да не настоящие. Ростислав не сын был покойному князю Ярославу, а внук, так у него по усам текло, а в рот не попало. Меж пятерыми сыновьями разделил Русскую землю, а после покойного старшего сына княжеского сын Ростислава, старший, стало быть, внук, и так живет. Что дяди из милости дадут, тем и довольствуется. Дали сначала Ростов для прокормления. Ну, пожил там лет пять, умирает дядя Вячеслав Ярославич - стало быть, Смоленск опростался. Мы в Киев, к старшему дядюшке. Так что же ты думаешь? Собрались братья совет держать: как тут быть? А моего-то князя и на совет не пустили, младшего, дядю Игоря, перевели в Смоленск, а нас - во Владимир. Оно бы и не худо: червенские города богаты, земля плодородна, да вот беда: земли-то, которые к городу Владимиру тянули, все отошли Киеву, а нам один город достался. Выехать некуда, взять нечего, и стали мы жить да поживать, с запасом, нечего сказать: на печи в решете три засушинки*. Терпим беду, а вся вина князя Ростислава в том, что его отец, князь Владимир Ярославич, старший из

Ярославичей, раньше отца помер, не побывав князем. Я тебе говорю: беда такая, что своры собак держать не на что.

* З а с у ш и н к а - все съедобное в сушеном виде: кусок мяса, ломоть хлеба и т. д.

Хорошо. Умирает у нас младший дядя - Игорь Ярославич, что был переведен из Владимира в Смоленск. Князья не съехали сразу же, а киевский и послал в Смоленск своего посадника. Всеволод из Переяславля тогда воевал с торками, и вот нынче опять от этих кочевых разбойников отбиваться надо было. Вот только теперь настоящий съезд и совет княжеский, вот мы и приехали. Но, видно, правду говорили старики: на чужой совет до зова не ходи. Совецались они втроем, Изяслав, Святослав и Всеволод, а племянника Ростислава одними ласковыми словами угощали, а впрочем, знай кошка свое лукошко. Вот скажи мне, дяденька Перенег: не обидно это родному старшему внуку князя Ярослава?

- Обидно, точно, - отвечал Перенег, боярин черниговского князя Святослава, - на что

обиднее этого? Сыновья перемрут, это от Бога так установлено, настанут внуки, каждый внук что-нибудь получит, а старшему внуку - ничего. На что хуже? Только дело это такое, что ничего не поделаешь, стало быть, и обижаться нечего. Тебе бы надо весны, а теперь осень: так что же станешь делать? Обижайся сколько хочешь, а делу не поможешь, весна зиму не перескочит тебе в угоду. Князь Ярослав так завещал, и переменить его волю живой человек не может. Надо ли исполнять завещание или не надо? И князь Ярослав мог распоряжаться своею волостью или не мог?..

- Вот как? - возразил Порей с большой живостью. - Говоришь ты хорошо, да не дело, заложил прямо, а поехал криво. Однако, брат, как ни хитри, а правды не перехитришь. Неужели же всякое завещание исполнять надо? А если оно не от ума сказано? Если я, например, завещаю, что после моей смерти внука моего Ростислава на двадцать третий день повесить на осине? Что же? Ты веревку готовить станешь? Нет, впереди всякого завещания, по-моему, должна стоять правда. Внуков у Ярослава столько-то, ну и раздели волость

на столько же частей, и - любезное дело: сиди всякий сам по себе, владей с Богом, ешь, пей, веселись...

- Все это так, - отвечал старый боярин киевского князя Изяслава, Чудин, до тех пор дремавший и схвативший только последние слова. - Только об одном забыли, о Русской земле. Есть ли у этой земли враги? Приходят торки и половцы. Разбирают они, который участок чей? Разоряют они землю или нет? Надо их бить, отгонять или не надо? И если на пятьсот правнуков земля разделится, не придется ли им все-таки выбрать одного старшего, чтобы вести всех на половцев?

- Что ты, что ты, дяденька Чудин! - вскричал пылкий Порей. - Разве я против старшинства говорю? Старшинство дело святое, против старшинства ни у кого язык не повернется.

- Ну то-то же! - сказал спокойно и рассудительно Чудин.

- Святое это дело - старшинство, - прибавил Порей. - По-настоящему Ростислав-то старше Изяслава. По-настоящему вся власть над Русскою землею была дана Богом князю Ярославу.

ву. От него она должна перейти целиком, нетронутая, либо к старшему сыну, либо всем сыновьям поровну. Я и так согласен, и так не прочь, как угодно. Старший сын был Владимир; в его кровь перешла вся отцовская власть над Русскою землею. Он умер, но его кровь не умерла, потому что у него остался сын Ростислав. Вся дедовская власть скопилась в крови Ростислава, так что он, выходит, самый старший. Что? Это не нравится дяденьке Чудину? Изволь, можно повернуть все дело, только все не по-вашему. Если старшинство - настоящее старшинство пустяки, так надо делить всем сыновьям поровну, а долю старшего сына, Владимира Ярославича, отдать его сыну Ростиславу. И никакими правдами-неправдами не докажешь, что Ростиславу следовало голодным сидеть.

- Какая досада, погляжу я, - тихо сказал киевский боярин, - что князь Ярослав тебя не спросил, когда собрался умирать. Вот, дескать, умираю, боярин! Волость у меня большая, как с ней быть? Рассуди, Христа ради!

- Да, вам, киевским, хорошо так-то говорить! - отвечал Порей. - Вы тут сидите, ме-

стечки свои нагрели; а вот как быть нашему брату, у которого ни кола, ни двора, а сердце-то яро*, а места-то мало - расходиться негде? Ну и заботишься, и хлопчешь, хоть иной раз и бьешься как рыба о лед по пустякам. А делать нечего: хочешь есть калачи, так не сиди на печи. Вот мы тут и вовсе на печи засиделись, и медведи-то в лесу болят по нас и сохнут. До вечера по-настоящему надо бы еще парочку зашибить.

* Здесь: горячее, запальчивое.

- Люблю молодца за обычай! - сказал боярин Чудин, поднимаясь с места. - Видно, сердце у тебя горячее, да отходчивое!

- Нет, дяденька, не то, - возразил боярин Порей, - а князь Ростислав меня все дразнит тем, что "скор-тороплив-обувшись-парится". А матушка-покойница говаривала про меня, что "рожа негожа, а душа пригожа". А что ты про меня думаешь, так я отсюда вижу, хоть и не говори: "Овсяная каша хвалилась, будто с маслом родилась".

- Э-э нет, голубчик боярин! - сказал, подпосываясь, Чудин. - Я думаю другое: "Невелич-

ка мышка, да зубок остер". Вот что я думаю, если тебе правду сказать. Как же мы теперь? Кабана опять поищем или медведя? За оленем не угнаться, потому как кони притомились...

И весь табор зашевелился, старший доезжачий* подъехал спросить, на какого зверя ехать, получил приказ от старого боярина Чудина и поехал впереди всех по хорошей тропинке. За ним тянулись охотники с собаками, а потом бояре. Сын новгородского посадника Остромира, молодой Вышата, поехал рядом с Пореем и заговорил с ним вполголоса:

- Неужели князь Ростислав и дальше станет терпеть такую неправду? Ведь десять лет прошло со смерти Ярослава; волости опрастываются, а ему все ничего.

* Д о е з ж а ч и й - служитель, ведающий обучением гончих,

управляющий собачьей сворой, ему подчиняются псаря.

- А ты это как? С чьей стороны подъезжаешь? - спросил Порей, боком посматривая на него.

- Я новгородец, отвечал сдержанно Вышата. - И подъезжаю к людям только от себя, со своей стороны, не с тортовой. Я не лисица, боярин, я скорее из волков и тоже сумею вцепиться в горло, если не остережешься...

- Ну-ну-ну! Браниться бранись, а про мир слов не забывай! Щекотки боишься, это хорошо, только на меня не сердись: мы с Ростиславом, как кабан на угонках, должны иной раз огрызаться да пощелкивать клыками. Наше счастье комом сжалось, это правда; но если подумать хорошенько, то выйдет, что волка ноги кормят... Ты как об этом думаешь, Вышата Остромирович?

- Я так думаю, - отвечал Вышата, - что ноги годятся только тогда, когда зубы не забудешь с собой захватить...

- А разве не слыхал поговорки, что у доброго волка и на хвосте зубы есть?..

Но в лесной чаще послышался собачий лай, и бояре прибавили шагу, условившись вечером в Киеве потолковать по душам.

В это время в Киеве князя Русской земли, старший Изяслав, второй Святослав и третий Всеволод Ярославичи, вели важную беседу.

Старший брат расспрашивал о доходах племянников и о дружинах, какие могут они содержать. При них были еще бояре, кроме младших, отпущенных погулять на охоту в заповедный Олегов лес. У Изяслава на службе был бодрый еще, умный старик Туки, родной брат боярина Чудина, человек грамотный, из самых старых учеников первой на Руси школы, устроенной Владимиром. С князем Святославом был Берн, не очень толковый, но очень храбрый витязь, уроженец черниговский, хотя родом из варягов. С князем Всеволодом явился боярин Никифор, ловкий грек, приехавший из Царьграда вместе с царевной, когда она была привезена в Киев и вышла за любимого сына князя Ярослава.

- Пуще всего надо стараться, - говорил старший князь Изяслав, - чтобы дети не засиживались подолгу на одном месте, чтобы не думали, будто волости им даны на веки вечные. Пусть владеет, живет, кормится, а из-под руки отцовской не выходит, пусть у отцовского стремени обретается. Мало ли что может случиться? Неприятель придет, надобно, чтобы всякий князь был наготове идти, куда велит

отец, с дружиною; а заживись он на одном месте, так, пожалуй, подумает, что он сам себе господин и детям, и внукам своим может свою волость оставить. А этому быть никак нельзя, и Всеславов нам больше не надо...

- Что же? - спросил Всеволод, - Чем же худо он нам пособил в походе на торков четыре года назад? И пришел вовремя, и дрался честно, и дружину свою держал в руках как следует...

- Эх, брат! - отвечал Изяслав. - Неужели сердце твое лежит к этому сорванцу? Он нам вовсе чужой, хоть и родной племянник.

- Как так? Чем? Разве он не правнуком родным приходится князю Владимиру, нашему деду родному?

- Не могу я о нем слышать! Не говори ты этого! - нетерпеливо вскричал Изяслав. - С тех пор как Владимир отделил Полоцк, стали полоцкие князья нам чужие. Неужли ты этого не понимаешь? Наша волость принадлежит нашему роду, Ярославичам, а Полоцк всунулся в середину, чужой. Наша волость идет вся в раздел и передел между нами и нашими детьми, а его лоскут не тронь, говорит, это мой удел. Пришел он нам помогать с торка-

ми, так, словно милость какую сделал, и похваляется, будто торки и к нему пробраться не могли, да еще требует прибавки... Меня он за отца не признает, и выходит, что Русская земля разделилась, не в одних она руках. Вот этого-то я пуще всего и боюсь. Покойный отец, князь Ярослав, приказал мне быть братьям вместо отца, велел братьям слушаться меня как отца, а он один, сам по себе, и меня знать не хочет. В который раз мы съезжаемся толковать об устройении земли, а он знает ведь это и глаз не кажет. А что важнее нынешнего раза? Съехались мы, чтобы дополнить отцовский закон, "Русскую правду", а ему и горя мало! В полоцкой земле должна стоять та же "Правда", а он что? Он беглых холопей наших укрывает, конокрадам кров дает, а посылаешь к нему отрока поискать виноватого или пропажу какую, так он и корму ему не даст, и отроку туго приходится - хоть с голоду помирай. Этого терпеть нельзя, и я его, погодите, как-нибудь прижму, так что запоет не своим голосом. Стало быть, надо, чтобы молодые князья не привыкали к одному месту, чтобы они постоянно двигались. Свою

молодежь я так-то и держу: то Мстислав поживет во Пскове, то Ярополк, то Святополк, так и меняю. А как ты с детками, брат Святослав?

- Ну, мне это потруднее, - отвечал Святослав. - У меня ведь пятеро молодцов: Глеб, Роман, Давид, Олег и Ярослав. Глеб в Тмутаракани пока живет. Да я, пожалуй, его оттуда возьму, пошлю Романа, остальные молодые еще...

- А у меня пока один, - сказал Всеволод, - а дальше - что Бог даст. Растет молодцом, хоть ему нет полных одиннадцати лет, однако читать научился, писать учится. Эти учителя из греков хороши, надо правду сказать...

- Знаю, знаю твоего Владимира, - отвечал Изяслав, ведь его крестил еще покойный наш отец и назвал Василием, а ты его прозвал погречески Мономахом. Как не знать! Мой боярин Туки ведет всем князьям русским особый родословный список...

- Неужели же и у нас не ведутся такие списки? - сказал Святослав. При нашем порядке старшинства без этого нельзя. Конечно, дай Бог тебе прожить еще сто лет, любезный

брат, но если я тебя переживу, то сяду в Киеве, после меня брат Всеволод, после него твой старший сын Мстислав, там мой старший Глеб... Как тут иначе можно? Тут и один день старшинства много значит. Одним днем раньше родится, а когда по Божию изволению придет очередь, может сесть в Киеве и на двадцать лет пересидеть брата, который только днем позже родился.

- Все это верно и ясно как день, - сказал медленно боярин Туки. Только у меня в списке выходит маленькое затруднение. После покойного Владимира Ярославича остался сын Ростислав; он среди всех внуков Ярослава - старший, и после сыновей первым должен бы сесть в Киеве. Как с ним быть? Останется он в списке или не останется?

- Экая ты упрямая голова! - заметил Изяслав. - Тридцать раз мы об этом толковали, а ты все за свое! Сидел ли его отец на княжеской волости сам по себе или не сидел? Нет, никогда! Ну и не годится, запомни, что если он триста лет проживет, а в очередь не попадет. Значит, изгой. Так и пиши против его имени, что изгой, стало быть, ни он, ни его де-

ти, ни внуки, ни правнуки никогда в Киеве не сядут, а что дяди дадут, тем и будут довольны.

- Это я не раз от тебя слышал, - сказал боярин, принимаясь за перо, только все не при князьях; а если они согласны, то я так и напишу: изгой.

Святослав и Всеволод изъявили свое согласие, и точный, неторопливый боярин своею рукою против имени князя Ростислава написал: по приговору князей Изяслава, Святослава и Всеволода - изгой.

- Ну, а теперь как с сыном покойного князя смоленского Вячеслава Ярославича, Борисом? - продолжал невозмутимый боярин. - Отец его князем был наравне с другими братьями, от отца Ярослава получил волость.

Князья переглянулись и задумались. Каждый стоял за себя и за своих детей; каждому хотелось, чтобы наследников, кроме его сыновей, было как можно меньше, но в то же время всякий мог бояться, что он умрет, не дождавшись своей очереди быть киевским князем, и на такой случай надо было позаботиться об участи детей.

- И с этим вопросом не в первый раз при-

стает ко мне мой старый друг, боярин Туки, - продолжал князь Изяслав. - Он все хочет, чтобы было ясно поставлено и укреплено. А по моему, это один пустой разговор. Когда еще дойдет очередь до Бориса? И прежде всего я, слава Создателю, жив. После меня черед брату Святославу, там пойдет Всеволод. Если его переживет мой старший сын Мстислав, то его будет очередь; после его смерти старшим останется Глеб Святославич; после него мой Ярополк, за ним Роман Святославич, за ним Давид Святославич, потом опять мой сын Ростислав, дальше пойдет Василий Мономах, Владимир Всеволодович, а там уж Борис Вячеславич, если за ним признать право на киевский стол. Так, мне кажется, не рано ли об этом рассуждать?

- Нимало не рано, - возразил неумолимый Туки. - У меня в списке еще два таких же князя, сыновья покойного князя смоленского Игоря Ярославича, Давид и Даниил. Они растут у нас в Киеве, князь Изяслав их кормит и поит. Подрастут, спросят или отцовских волостей, или чего-нибудь да спросят. Человек так уж устроен, что он чего-нибудь себе спраши-

вает...

Святослав Черниговский стал говорить, что сироты - такие же князья и несправедливо было бы отнимать у них отцовское наследие. Но киевский Изяслав заспорил против наследия, против отчины:

- Пойми ты, брат, что наследие, отчина, во-лость у нас одна - Русская земля, а в ней стольный град Киев, а все остальное дается князьям только на прокорм, а то как? Ты живешь в Чернигове, в управление дано тебе и Белоозеро, и Тмутаракань, и Муром в трех разных концах земли. Всеволод сидит здесь, рядом, в Переяславле, а ему дано и Поволжье, и Суздаль, и Ростов, стало быть, с тобой чересполосно, так что цельной земли какому-нибудь одному князю никак не выкроить. А из-за чего так устроено? Чтобы никто не думал, будто что-нибудь есть мое, или твое, или его, а все это одно, цельное, наше.

- Ну, это очень уж невыгодно, - заметил Всеволод, - и если так, то наше положение не лучше какого-нибудь князя Ростислава, не лучше какого-нибудь боярина, который засе-лил покупными невольниками жалованный

князем кусок земли, поставил хоромы и твердо знает, что это его собственные, на веки вечные, что и сын его будет тут жить спокойно, и внуку достанется, и правнуку. А у меня-то, у русского князя, что есть?

- А во-первых, вся Русская земля вместе с тем боярином, которому живется так спокойно, - возразил Изяслав, - а во-вторых, кто же князю мешает заселить хороший клочок земли холопами? Земли у нас довольно, слава Богу!

- Спасибо, братец! - отвечал Святослав. - Заселит мой сын землю в Ростовской волости, а потом судьба посадит его в Киев, так все и пропало? Холопы разбегутся, земля разделанная заглохнет, хоромы запустеют, весь труд и все издержки пропадут...

- Я, брат Святослав, и не думаю, - сказал Изяслав, - чтобы у русского князя было очень спокойное и привольное житье, и никогда этого не скажу. Вот как Бог меня приберет, посидишь в Киеве, так и увидишь, что боярину много спокойнее живется...

Еще долго совещались князья, но о сыновьях покойных братьев своих, Вячеслава и Игоря, ничего не решили, и боярин Туки, не

терпевший неясности, написал в своем списке против имен молодых князей: "С приговором князей Изяслава, Святослава и Всеволода оставлены под сомнением: земли давать в управление можно, а так как отцы их в Киеве не сидели, то о Киеве им никогда не думать, если только князья не передумают и не поставят другое".

- Что ты там кропаешь так долго, дружище Туки? - спросил его Изяслав. А боярин между тем окончил свою запись и твердо прочитал ее. Князья посмеялись, что такое нерешенное дело можно было и не записывать; но Туки не смутил этот смех, и он сказал, что нерешенное дело не давало бы ему спокойно спать. Когда же ему заметили, что решением дела он называет самое нерешительное о нем постановление, то боярин предложил им это подписать.

- Лет через десять, может, князья, или через двадцать, - сказал он, вы вздумаете справиться, как вы на это дело сегодня смотрели, вот и прочтете. А теперь все дела сделаны и можно идти отдыхать. Просим прощенья! - И старый боярин пошел из горницы, забрав с

собою свитки и бумаги.

Через несколько минут после того вошел в палату молодой человек необыкновенной красоты, высокий, стройный, с открытым лицом, опущенным еще молодою бородкой. Румянец играл во всю щеку; русые кудри падали на плечи; тонкий стан охватывал короткий кафтан; на золотой перевязи в золотых ножнах висел широкий варяжский меч. Князь Изяслав нахмурился, когда его увидел. Князья Святослав и Всеволод смотрели старшему брату в глаза, ожидая, что будет: им не хотелось быть свидетелями неприятного объяснения старшего князя с племянником-изгоем Ростиславом. Строгий вопрос чуть было не слетел с языка Изяслава; но красавец Ростислав предупредил его.

- Я встретил боярина Туку, - сказал он весело, - стало быть, совет кончился, чужому человеку войти можно. Пришел я сказать вам, дядюшки любезные, спасибо за хлеб-соль и проститься.

- А! Ты едешь? Ну, с Богом! - сказал Изяслав. - Да не надо ли тебе денег? Пошли сюда казначея, я велю тебе дать сотню гривен.

- На добром слове спасибо, дядя, - отвечал Ростислав, потрянув кудрями, - только, признаться, я другого ожидал на дороге.

- А, все того же? Земли? - спросил старший князь.

- Ожидал того, что мое; ожидал, что у дядюшек есть совесть, думал, что ваша сила может уступить моему праву, - отвечал спокойно Ростислав. Делать нечего, останусь при том, что получил от отца, а кланяться и принимать подачки больше не стану.

- Ты, друг любезный, кипятишься понапрасну, - сказал спокойно князь Изяслав. - Я всему роду нашему отец и повелеваю тебе эту дурь из головы выкинуть. И чем ты отцовским думаешь жить? Покойный брат наш ничего не оставил...

- Немного, да оставил, - сказал Ростислав, хватаясь за ножны своего меча левою рукою, - одного золота на ножнах фунта два будет, а что внутри, так никакими горами золота не купить: от деда моего Ярослава этот меч переходит старшему в роду, а я, да будет вашей милости известно, старший в роду!

Он гордо взглянул на князей, повернулся и

пошел.

- Эй, Ростислав, не дури! - крикнул ему вслед Изяслав. - Не наживи себе беды! Ну и пропадет ни за грош мальчишка: уедет куда-нибудь служить, к немецкому императору, пожалуй, с него станется...

В самом деле, вечером того же дня изгой Ростислав выехал из Киева через западные ворота. С ним видели боярина Порей, видели сына новгородского посадника Вышату, только что вернувшихся с охоты; было еще четверо молодых людей, все бодрые такие, веселые. Провожал их киевский боярин Чудин верст на пять за город. Порей все время болтал без умолку и на прощание, когда путники пустили лошадей рысью, крикнул Чудину:

- Не бойся, дяденька! Не пропадем! Самсём* и на кашу не страшно!

* Т. е. силою.

Боярин Чудин искренно жалел молодых людей и твердо был убежден, что они едут куда-то на свою погибель. Он долго следил за ними глазами, потом, махнув рукой, проговорил:

- Эх, молодо-зелено! Ум-то есть, да разошелся по закоулкам, а в сердце ничего не осталось! Пропадут ни за грош.

Через несколько дней после того, когда князья-братья разъехались из Киева, князю Изяславу доложили, что Ростислава с шестью спутниками народ видел в Василеве, то есть на юг от Киева, тогда как он выехал на Белгород, то есть прямо на запад. Потом видели его в степи за Днепром. Старший князь не понимал, куда и зачем направляется племянник, и очень беспокоился. Не прошло и двух месяцев, как от князя Глеба Святославича прискакал спешный гонец из Тмутаракани: Ростислав явился в город с толпою половцев и князя Глеба выгнал, а сам сел на Тмутаракани, а князя послал сказать: "Кланяйся ты нашим сродникам и скажи, что старший в роде князь Ростислав велел им жить смирно, не ссориться".

Князь Изяслав едва верил этим слухам; но когда те же вести пришли от самого Святослава из Чернигова, куда приехал и выгнанный князь Глеб, то пришлось поверить поневоле. Святослав извещал, что он наскоро собрал

войско и идет опять сажать на Тмутаракани сына Глеба, и, по обычаю, поручал заботам князя Киевского свое семейство. Изяслав тотчас всхлопотался, и верный советник его, боярин Туки, тотчас явился со своими советами. Изяслав был не в духе и не ожидал дельного совета от своего боярина.

- Да ведь ты за этого бунтовщика стоял на совете? - сказал князь с недоверием.

- Нисколько я не стоял за него, - отвечал бесстрастно Туки, - а представлял его права. Это я должен был сделать, чтобы князья решились, как мне записать его в списке. А как записал изгоем, так уж и знаю, что мне делать и как на него смотреть. Если б он о сю пору не был решен бесповоротно, так я, может, и теперь говорил бы, что у него есть право. Но у меня в списке написан Ростислав изгоем, и я теперь ни у кого не стану спрашивать, как тут быть. Выгнать его надо, и не только из Тмутаракани, но и из Русской земли, потому что изгою жить у нас можно, пока он сидит смирно, а как забурлил - подальше его.

- Ну и что же ты придумал? - спросил Изяслав.

- А вот что. Пока сам князь Святослав идет в Тмутаракань сажать сына, нам можно бы поговорить со здешними греками, что наезжают к нам из Корсуни. Одолеет Святослав или нет, это еще неизвестно, а Корсунь с нашими приятелями от Тмутаракани близехонько, рукой подать, торговля у нас идет повседневная, и можно бы их подговорить нас от этого Ростислава избавить: выкрасть его, что ли, и увезти. Греки там придумают, как сделать, только непременно это дело надобно через них сделать...

- И есть у тебя такие греки, например, которые поймут это дело? спросил Изяслав.

- Очень довольно здесь греков, - отвечал Туку, - и есть такие, что с полуслова все понимают. Оно же и нетрудно догадаться, что им прямая выгода - сделать удовольствие киевскому князю. Какие деньги они здесь наживают страсть!

- Ну и дело, боярин, - сказал Изяслав, положив руку на плечо своего верного советника. - Это ты придумал так ловко, что такое даже греку впору! Поговори с ними, голубчик.

Но пока велись переговоры, пока установ-

лялась цена предательства, времени утекло немало, и пришли вести, что Святослав благополучно прибыл в Тмутаракань и Ростислав не хотел с дядей биться и уехал за реку Кубань в горы к касогам, а князь Глеб посажен на старое место.

Святослав отправился в обратный путь и, не доходя Переяславля, распустил войско и, отдохнув пару дней у брата Всеволода, вместе с ним приехал в Киев. Князья хвалили племянника Ростислава, у которого столько-то совести осталось, чтобы не поднять меча против дяди, и почти прощали ему смелый набег на Тмутаракань. Не прошло еще двух дней, как сам князь Глеб появился в Киеве как снег на голову. На расспросы отца он горько жаловался, что Ростислав его кровно обидел, пришел с касогами, с этими свирепыми горцами, взял его в плен, обласкал, расцеловал, накормил, напоил и сказал, что ежели он еще раз придет в Тмутаракань, то он ему отрежет нос и уши.

- И как ты, батюшка-князь, хочешь, - говорил он со слезами, - а я в эту касожскую землю больше не пойду ни за какие сокровища.

Там хорошо, слов нет, там и зимы почти не бывает, и рыбы столько, что ее девать некуда, и торговля с этими греками корсунскими и царьградскими идет горячая. Только с этими касогами ладу никакого нет. А брат Ростислав у них как свой, и слушаются они его как своего князя.

Когда боярин Туки узнал, что и как было, когда он услышал, что в провожатые Ростислав дал Глебу молодого Вышату Остромировича, сына новгородского посадника, у него мелькнула мысль, что князя Глеба теперь всего удобнее отправить в Новгород. Князь слаб именно настолько, насколько нужно, чтобы Новгород сидел смирно, а посадник Остромир сделает все удобное киевскому князю, только бы на него не пала вина сына, который пособляет в междоусобной войне.

Князья долго совещались, как быть дальше с бунтовщиком-изгоем, и решили отдать все это дело боярину Туки, чтобы он устроил его как знает через корсунских греков. Так и записал угрюмый боярин в своем списке, и решение это дал подписать князьям. Дядьки, может, и не знали, что они подписывают

смертный приговор своему племяннику.

Но не успели они успокоиться, как пришли вести о великом бедствии во Пскове от другого племянника. Полоцкий князь Всеслав подступил к Пскову и обложил его со всех сторон. Старый Туки прибежал с этим известием к князю, а князь уже слышал и посылал за своим верным советником.

- Ну, что же мы с этим разбойником делать будем? - спросил князь.

- Да что с ним делать? - отвечал Туки. - Повоевать его надобно, да как-нибудь постараться захватить, да и засадить в крепкое место, чтобы в другой раз не думал выходить из положенных пределов. Известно, племянник против дяди ничего не смеет...

- Эх ты все свое толкуешь, боярин! - вскричал Изяслав. - Не то беда, что он против дяди пошел, а то, что Русская земля так-то распадется. Едина Русская земля или не едина?

- Это я не знаю, - отвечал боярин, развертывая свой свиток с именами князей, - а только по списку этого не видно. Что дальше Бог даст - не знаю, а пока на Руси пять владетелей.

- Да разве я им всем не вместо отца поставлен? Разве не я - глава всей Русской земли?

- Верно ты говоришь, глава! Так у меня в списке написано; только нигде этого не видеть, чтобы голова у рук спрашивалась: а что, господа руки, не скинуть ли мне шапку, не надеть ли шолом? Не видеть также, чтобы у рук было свое дело, помимо того, которое надобно голове.

- Это, брат, я двенадцатый год от тебя слышу! - возразил князь. - А все ты мне не скажешь: как же тут быть?

- Я пробовал говорить, - отвечал боярин, - да ты тогда мне дал такой нагоняй, что я и зарекся...

- Что? Это ты Святополка Окаянного хотел из меня сделать? Чтобы я руку поднял на братьев родных? Нет, ты мне лучше об этом не заикайся, а то я рассержусь по-тогдашнему. Я братьям своим и всему роду Ярославову отец; а какой отец детей своих истребляет? Это и у волков не слыхано. Если б у тебя хоть немного совести было, так ты не заикнулся бы об этом. А ты скажи что-нибудь другое, поновее.

- Ничего не придумаю, князь, разве оста-

вить дело как есть да послать кого-нибудь к князю Всеславу сказать ему спасибо, что он наши земли разоряет...

- Экий упрямый старик! - вскричал князь. - Всеслава, конечно, наказать надо...

- Вот это ты дело говоришь! Стало быть, прежде всего посылаем гонцов. Один едет к Остромиру, чтоб он сейчас собрал новгородцев и шел выручать Псков. Другой едет в Чернигов, к князю Святославу, чтобы шел с полком своим к Пскову. Третий за тем же едет в Переяславль к Всеволоду. Четвертый зовет тысяцкого киевского Коснячко сюда, чтобы в Киеве собиралось наше войско.

- Ладно, - сказал Изяслав, - пятый едет тоже в Псков к Всеславу и везет ему наше увещательное письмо.

- Вот пятого-то гонца и не нужно, - возразил с живостью боярин, - это нам все дело испортит: уйдет он из-под Пскова, повертит хвостом, а ты с ним и помиришься.

- И слава Богу! - отвечал князь. - Худой мир лучше доброй ссоры.

- Никогда я этому не поверю и добрую ссору люблю. После нее все дела становятся про-

ще и яснее, тогда как среди плохого мира живешь, как в потемках, и не знаешь, кто с нами, кто против нас.

Пока собирались войска, гонцы ездили от одного князя к другому. Пятый гонец, придуманный самим Изяславом, покончил все дело разом. Князь Всеслав, получив увещательную грамоту киевского князя, снял осаду с города Пскова и ушел в свою отчину - Полоцк. Может, увещаниям князя Изяслава помогли и вести, что новгородский посадник Остромир собрал новгородских молодцов и наспех выступил к Пскову. После того князь долго посмеивался над своим боярином, особенно когда шел дождь, бушевала на дворе буря и выла в трубах.

- А где бы мы теперь без пятого-то гонца были? - говорил он, добродушно усмехаясь. - Вот в этакую погоду как подумаешь о походном времени, так и возблагодаришь Создателя, что у нас есть горница, что на тереме крыша крепкая. Ставка, конечно, защита; но горница, из камня сложенная, на мой вкус, будет лучше. А по-твоему как, дяденька Туки?

- На походе я настаивал, князь, не потому,

что беспокойство лучше покоя, - отвечал боярин, - а потому, что лучше теперь повоевать, сколько там Бог приведет, а зато после отдохнуть хорошенько, без всякой помехи.

- Что же? Ты разве боишься, что полоцкий Всеслав придет сегодня сюда и выгонит нас в такую погоду? Не бойся, он мне обещал мир и повиновение...

- Прости меня, князь, но не бояться я не могу, потому как ничего не ведаю, - отвечал печально боярин Туки. - Ты с ним переговариваешься без меня, а когда не знаешь, то и боишься. Такова уж человеческая природа. Знаю я только, что ни на одно слово князя Всеслава положиться нельзя, а ты полагаешься на его пустые слова. Как же мне не бояться?

Но князь Изяслав был уверен, что его отеческие увещания и пряморечивые убеждения гораздо лучше и действеннее предлагаемых боярином крутых мер, и спокойно посмеивался над опасениями своего осторожного советчика.

Но боярин Туки, видно, знал дела и сердце человеческое. В половине зимы пришли ве-

сти, что полоцкий князь двинулся на север с войском, вскоре затем явились и беглецы из Новгорода: князь Всеслав разорил Новгород вконец, нежданно-негаданно подступил, ворвался как враг, взял в плен много народу, сколько мог ограбил, снял с церковей колокола, от образов в местных церквах снял паникадила и покинул город. Посадника Остромира, который быстро собрал дружину и выступил против него в прошлом году, когда он осаждал Псков, посадил в колодки и повез к себе в Полоцк.

По требованию князя Изяслава к нему явился Туки - угрюмый и важный, как всегда.

- Да ты не сердись, дяденька! - сказал князь, увидя своего нахмуренного советчика. - Ну, виноват, ну, чего же тебе еще нужно? Виноват я, что в прошлом году тебя не послушал! Ну, не сердись, голубчик! Надо беду поправлять, я это вижу, и ты мне помоги.

- Что на того сердиться, кто нас не боится, - отвечал Туки. - А дело остается таким, как в прошлом году было: четырех гонцов посылать, если только ты сам пятого не пошлешь.

- Не поминай ты мне про пятого гонца! -

вскричал Изяслав. - Сказано: виноват, а ты все свое твердишь. Старинная поговорка есть: где наболело, там не тронь. Ты меня не дразни. А вперед, знай ты это, мимо тебя я шагу не ступлю.

Гонцы поскакали, и большая рать собралась. Святослав с черниговцами выступил к Минску. Всеволод с переяславльцами перешел через Днепр по льду против Вышгорода, и грозная рать двинулась, чтобы наказать святотатца, ограбившего церкви.

- Разорить его надобно так, - говорил князь Всеволод, - как половцы нас разоряют: народ его побрать в плен, города его пожечь, а главное отдать новгородцам их добро.

- А ты как думаешь, дяденька? - спросил Изяслав боярина Туки.

- Да уж если война, так разорять! Это дело прямое! - отвечал боярин. - Только надо подумать тоже: чем же народ-то виноват? А по-моему, надо бы так: народ не трогать, чтоб он без задержки платил всякую дань и подать, а добыть виноватого да и засадить его в крепкое место.

- Делай как знаешь, - отвечал князь, - заса-

живай его, куда хочешь, я в этом противоречить не стану, а чтобы народ не трогать, так этого даже и сказать нельзя. Сам ты подумай: идет войско - надо ему есть, пить или не надо? Ведь не с собой же тащить и хлеб, и скот, и свинину? Это было бы только людям на смех. Опять и то сказать: если народ не истреблять или не уводить в полон, то в чем же война? Велика ли от войны беда? Встретились дружины, подрались, да и все тут. А кроме дружины, есть войско, а войско есть главная сила, и сила эта набирается из народа. Понастоящему вся сила в народе, так эту-то силу война и истребляет. Перебей у врага или уведи половину народа - это все равно что наполовину силу у него убавишь. Виноватого еще добудешь либо нет, неизвестно, а убавить у него силы всегда хорошо. Нет, как можно! Не истреблять народа нельзя, на том война стоит...

Так и сделали братья Изяслав, Святослав и Всеволод, князья земли Русской. Подступили к Минску, город выжгли без остатка, жителей до последнего перебили, а жен и детей отдали в полон своим воинам. Пошли дальше по зем-

ле полоцкой и дорогой все устребляли, хлеб и скот съедали, дома жгли, лошадей уводили с собой. Наконец встретились с войском князя Всеслава на реке Немане. Дело было в начале марта. Были уже оттепели, но тут завернул небольшой морозец и повалил такой снег, что в десяти шагах ничего не было видно. Поэтому стрелы летали зря, иногда попадая в своих, и воинам приходилось рубиться, проваливаясь по колени, а иногда по грудь в снег. Не легче стало, когда берег устлался убитыми. Под снегом кровь текла с горы, и люди проваливались в сугробы еще глубже. Наконец Ярославичи одолели, и князь Всеслав побежал. Снегу так было много, что погони почти не было. После того сдался Витебск, победители переждали в этом городе распутицу, отошли от Смоленска и распустили войско по домам, оставаясь только с небольшими дружинами.

Боярин Туки не советовал уезжать из Смоленска, не захватив Всеслава, и много у него было споров с князем Изяславом. Один говорил, что князь Всеслав довольно проучен разорением многих городов и земель, а другой

утверждал, что его надобно запереть в крепкое место, а без этого никогда мира не будет. Братья, Святослав и Всеволод, были того же мнения. И вот Изяслав подписал грамоту к полоцкому князю: звал его под Смоленск на окончательное замирение. В ответ на это письмо Всеслав прислал князьям своего духовника, отца Андрея, священника Полоцкой церкви Святого Духа, взять с князей крестное целование в том, что не сделают ему никакого зла. Князья приняли посла очень ласково, говорили, что с дорогим племянником станут держать вечный мир, и крест целовали, говоря: "Сим святым животворящим крестом клянусь не мыслить и не сделать никакого зла племяннику моему князю Всеславу!"

Отец Андрей уехал с крестом к своему духовному сыну и вместе с ним пустился в путь. Десятого июня его ладья остановилась, не доезжая Смоленска, против шатра князя Изяслава. Первым ступил на берег отец Андрей, высоко пред собою держа крест, на котором князья присягали. За ним вышел Всеслав, держа за руки двух малолетних сыновей своих. Изяслав вышел навстречу племяннику, оставив в

шатре боярина Туки распорядиться воинами. Боярин отобрал из дружины шестерых самых сильных воинов, велел им приготовить веревки и, как только Всеслав войдет, наместь на него и связать, только так, чтобы боли ему никакой не делать: локти связать назад, ноги увязать поплотнее, и если станет кричать, то завязать ему рот шелковым платком. Особенно строго наказывал, чтобы как-нибудь неосторожно не ранить князя.

Отец Андрей торжественно благословил Изяслава, подходившего к берегу, и тот наконец приложился к кресту. Потом, когда дядя с племянником обнимались и целовались, добродушный священник, высоко взмахивая крестом, благословлял примирившихся родственников и, с благодарностью смотря на небо, благодарил Бога, сподобившего его быть посредником счастливого примирения.

Когда пошли к ставке, он шел впереди, полы его перед ним распахнулись, за ним вошел Всеслав, и в один миг приказание боярина было исполнено: связанный по рукам и по ногам, князь лежал на земле, потом был поднят и вынесен в другую сторону. Застучали

колеса телеги, быстро удаляясь. Отец Андрей наконец опомнился от изумления и вышел к Изяславу с высоко поднятым крестом.

Почтенный пастырь негодовал.

- Именем Бога живого, именем пострадавшего за нас Спасителя заклинаю тебя, князь! - сказал он дрожащим от гнева и волнения голосом. - Прекрати это мерзкое беззаконие!.. Или ты клятвопреступник и насмеялся над честным животворящим крестом? Ты червь, ты раб, пренебрегающий своим Господом! О горе, горе! О жалкий человек!

- Эй! Кто-нибудь! - крикнул Изяслав. - Убрать отсюда попа! Свести его назад в Полоцк!

- Меня еще легко убрать отсюда, - сказал отец Андрей, - легко и с лица земли стереть! А вот убери попробуй клятвопреступление! Не свезешь ты его никуда со своей совести...

Между тем отца Андрея два воина уже увлекали к берегу, взяв его под руки, а князь вошел в свой шатер. Но священник, уже сидя в ладье, кричал: "Испытаешь ты, клятвопреступник, гнев Господен! Горькими слезами, кровавыми слезами захочешь ты искупить

злое дело - нарушение клятвы; но она, как петля глухая, захлестнула тебя и все твое потомство..."

Но князь Изяслав уже ничего этого не слышал, точно так как не слышал ничего и Все-слав. К вечеру его вывезли на берег Днепра, посадили в приготовленную барку и повезли в Киев. Там посадили его в тюрьму вместе с двумя сыновьями, а в Полоцк Изяслав послал своего наместника.

А вслед за возвращением князя в Киев получилось такое радостное известие, что Изяслав устроил пир на весь мир: засевавший в Тмутаракани изгой, князь Ростислав Владимирович, заболел и умер. Говорили в то же время, будто его отравил корсунский староста, нарочно за тем приезжавший из Корсуни, но это было уже все равно. Главная причина радости состояла в том, что не стало этого беспокойного человека.

Правда, у него остались три сына: Рюрик, Володарь и Василько - все трое младенцы, а младший еще грудной, но их опасаться было нечего: они были сыновья изгоя, стало быть, вдвойне изгой, почти не князья, и у них не

было даже намека на какие-нибудь права.

- Знаешь что, старый дружище, - говорил как-то Изяслав боярину Туку, - с тех пор как в Полоцке и в Тмутаракани сидят наши люди, я помолодел, как-то воздух в Русской земле очистился, и дышать стало легче. Будто мы из своей семьи чужих людей выгнали, и стало все так просто, и так спокойно, и так мирно, просто благодать.

И часто еще князь говорил о том, как хорошо стало жить. Оно и немудрено: он чувствовал себя старшим князем на Руси, братья готовы были седлать коней, только он прикажет, и идти против всякого врага. К тому же он стал и богаче. Новгород, который умел оправляться от всяких бед необыкновенно быстро, присылал богатую дань. Вся Полоцкая волость платила Киеву, и платила бы еще больше, если бы не был разорен Минск. Но можно было надеяться, что он оправится, потому что место хорошее, привольное, а на выгодное место народ как-то откуда-то набирался сам собою.

Всем хорошо было бы житье князя Изяслава, если бы не нагрянули половцы. Идут из

своих степей, точно ведет их какое-то слепое чутье, как звери дикие лезут на рогатины, на копья и под топоры, ломают вперед, как стая медведей, и широкоскулые морды их с жиденькими бородками смотрят подслеповато, но свирепо. Придут со своими круглыми войлочными шатрами, с табунами лошадей и верблюдов, станут на переяславльских покосах как хозяева, и когда княжеские люди приходят их прогонять, они их убивают спокойно, как баранов.

Пойдет на них большой отряд, они дерутся как звери; раненые будто и не чувствуют своих ран, умирают без стога и ропота, а живые на быстрых конях обскакивают посланный на них отряд со всех сторон и нападают так стремительно, будто никогда и отступить не придется.

Князь Всеволод дал знать из Переяславля, что ему одному не справиться. Изяслав сел на коня, Святослав поспешил из Чернигова, и князья встретили кочевников на берегу Альты, там, где Ярослав разбил когда-то Святослава. Половцы напали на них как сумасшедшие, окружили почти со всех сторон, так что

князя едва успели ускакать: Изяслав и Всеволод в Киев, а Святослав в Чернигов.

Не успели князя опомниться, как народ зашумел на торговой площади и потребовал к себе тысяцкого Коснячко. Толпа на площади росла, шумела; приходили ратные люди, успевшие спастись с побоища на Альте, и кричали громче всех. Они обвиняли Коснячко в том, что он бежал, тогда как половцев во все нетрудно было разбить.

- Что же вы не разбили? - кричал тысяцкий.

- Как разбить, когда тысяцкий бежал! - кричали ему из толпы. - Веди нас опять! Давай нам оружие и коней!

- Подите вы! Где мне взять для вас оружие! Оружие у князя! - отвечал Коснячко.

- Ступай к князю и требуй оружие! Чего нам тут сидеть и ждать, пока половцы придут и разорят наши дома!

Так кричал народ, настойчиво требуя оружия. В толпе уже стало известно, что половцы после победы разбрелись кто куда, чтобы грабить села, и потому нетрудно будет их одолеть. Но тысяцкий отговаривался, пошел к

князю неохотно и, вернувшись от него, сказал, что князь оружия не дает.

- Как не дает? Почему не дает? Оружия много, враг подходит, разорит Киев, дома выжжет... Что это за тысяцкий, размазня!.. Что это за князь, когда защищать нас не хочет! Верблюда испугался, побежал опрометью!.. Пойдем к князю! Неужели нашим семьям погибать? Пусть князь ведет нас!..

Народ повалил всем вечем на княжеский двор. Дорогой набрела толпа на хоромы тысяцкого Коснячко, чтобы захватить его с собой, но тысяцкого не было дома. Поэтому на княжеский двор толпа ввалилась без всякого толку и порядка, с криком и ропотом. Князь Изяслав подошел к окну и спросил, что надо народу.

- Коней! Оружия! - кричали ему из толпы. - Веди нас, князь! Мы одолеем! Тысяцкого нам другого! Размазня тысяцкий!..

Князь махнул рукой, и толпа замолкла. Князь сказал народу:

- Ступайте по домам, добрые люди! Киеву не грозит никакая опасность: враги побоялись наших каменных стен и повернули на

север. А если что и случится, то отсидимся!

- Отсиживаться! Этак они повадятся ходить за добычей к нам как в садок! От ворон этих отсиживаться!.. В капусту их изрубить!.. Только не с таким сидячим князем!..

Народ стал шуметь сильнее, потому что князь отошел от окна. Его отозвал боярин Туки, говоря:

- Прежде всего надо усилить стражу у тюрьмы Всеслава. Кто знает, что может взбредти на ум глупым людям, когда они расходятся и сами не знают, чего хотят. Народ ведь не забыл, что Всеслав старший потомок князя Владимира.

Князь Изяслав охотно согласился усилить стражу, но было поздно. Пока давались распоряжения, на тюремный двор ввалилась еще толпа народу, которая ходила освобождать колодников. В народе стали слышаться другие речи:

- В тюрьме остался один князь Всеслав с сыновьями... Вот это князь!.. Этот сам-десять прогонит половцев... Этот задаст им трезвону... Выпустим его... Пойдем...

И тут уже не пособила бы никакая удвоен-

ная стража. Как морская волна, высоко взбежав на берег, отхлынет иной раз с неодолимой силою и утянет с собой целые скалы, так вся толпа, сколько ее ни было на княжеском дворе, отхлынула к тюрьме Всеслава, разбила ее первым напором и вывела оттуда князя Всеслава. И опять та же волна прихлынула и поставила Всеслава на княжеском дворе. В это время Изяслав с братом Всеволодом едва успели сесть на коней и ускакать во весь опор в сопровождении небольшой дружины и бояр Туки, Коснячко и Чудина.

Это было 15 сентября 1068 года, стало быть, Всеслав просидел в тюрьме год и пять месяцев перед тем, как сделался киевским князем. В первую минуту он не успел помешать народу разграбить терем Изяслава: все, что было в нем добра, мехов, золота, серебра, жемчуга, — все растащила жадная и глупая толпа, а на другой день люди приходили с поклоном к князю Всеславу и покорно просили его суда в какой-нибудь мелкой домашней тяжбе.

Изяслав забрал в Белгороде свою семью и продолжал путь в Польшу. Он отправился к своему шурину, королю польскому Болеславу

II, внуку того самого Болеслава Храброго, который приходил в Киев сажать своего зятя Святополка.

Болеслав принял зятя очень ласково, обещал помочь ему возвратить Киев и прогнать племянника, но выступать в поход под зиму отказался, боясь холодов и снегов глубоких. Изяслав зазимовал в Польше, хоть ему это и очень не нравилось. Он любил свой киевский терем, где было так просторно, где всего было припасено в изобилии, где казна была такая богатая, а от младших братьев старшему брату воздавался такой почет.

В Польше тоже было недурно, но там он был гостем, да еще гостем без казны, а тамошние бояре привыкли своевольничать, не очень-то кланялись своему королю, а перед приезжим киевским князем, выгнанным из своего княжества, и вовсе шапок не ломали. Своим едким горем князь Изяслав делился иногда со своим старым советчиком, боярином Туку:

- Да, старый дружище! Плохо на свете живется, и уж как ты хочешь, а я вспоминаю нередко, что говорил поп Андрей под Смолен-

ском, когда связали Всеслава! Стой, стой, стой! Не говори своего проклятого совета! Никогда бы я не согласился быть Святополком! Да и в Смоленске мне не следовало тебя слушать! Не надо было сажать Всеслава в тюрьму! В старину, когда, кроме кулака, кроме чингалища* булатного, у нас ничего не было, тогда еще насилие годилось. А теперь есть у нас грамота, стало быть, есть переговоры, а переговорами можно все сделать, всего добиться. Вот, например, в Смоленске - мы могли бы так хорошо переговорами закрепить этого Всеслава, что он с места бы не двинулся, а мы теперь сидели бы спокойно в Киеве. А здесь что за жизнь, Господи! У короля, моего шурина, воли никакой. Мало того - немецкий император считается его главою, и точно, посылает ему приказ; римский папа тоже ему главою приходится и делает, что ему захочется, через епископов и ксендзов; бояре тоже делают, что вздумается. Болеслав человек хороший, слова нет, да сделать-то он ничего не может: денег тоже маловато, терем у него невелик. Живет как в походе, в ставке, ничего нет, а праздники разные празднует, а чтоб хо-

рошего нашего старого меду вечером на досуге выпить, этого нет, подожди! Все как-то наспех, все торопятся... Нет такого покоя, как у нас дома. Эх, правду говорят: в гостях хорошо, а дома лучше.

* Ч и н г а л - большой нож; ятаган; засапожник.

- Порядки здесь, надо правду сказать, трудноваты, - отвечал старый боярин, - а насчет того, что хорошо ли в гостях, надо признаться, что нехудо, когда у человека нет дома, когда племянничек из дому выгонит. В Киеве у него друзей много, и все толкуют, что прирожденный-то князь Русской земли он, старший потомок князя Владимира. Вот и попробуй теперь, князь, переговорами его заставить уступить Киев. Нет, воля твоя, переговоры дело хорошее, а нож много лучше. Какой хочешь разговор переговорить можно, а хорошего ножа вершка три всего всади в нужное место, и никаких переговоров не надо.

- Послушать тебя, дяденька, так подумаешь, что другого такого зверя, как ты, и на свете нет, - сказал Изяслав, ласково трепля бо-

ярина по плечу, - а ведь ты курицы не обидишь, и только на словах у тебя кровь льется как вода...

- Исправь ты мне мой княжеский список, - отвечал Туки, - тогда я ни слова не скажу больше, а то я, по правде говоря, спутаюсь и голову потеряю...

Но список княжеский исправился только через триста лет после Туки, а до тех пор все продолжал запутываться.

Весной 1069 года король Болеслав II выступил в поход на Киев с большим воинством. Навстречу ему вышел и Всеслав с киевлянами. Князя Святослав из Чернигова и Всеволод из Переяславля тоже вышли со своими войсками. Но как ни подсылал к ним Всеслав, как ни старался разузнать, чего они хотят, он ничего не узнал и стал бояться, что, когда польское войско ударит на него спереди, князья ударят сзади и справиться будет невозможно.

Поэтому, не говоря никому ни слова, Всеслав бросил в Белгороде свое войско и будто сквозь землю провалился. После уже стали говорить, что его видели на пути к Полоцку. Без

князя киевского стало жутко. Крикуны не хотели и не умели стать впереди киевского полка, и все войско возвратилось в город.

- Без князя плохо!.. - говорил народ на вече. - Без князя нельзя!.. Как можно без князя!.. Ясное дело: без князя не можно!.. Послать к Изяславу, пусть идет, только без поляков!.. Да, как же! Так он тебя и послушал!.. Пошлем к Святославу да к Всеволоду, пусть они нас защитят!.. Святослав крут, в обиду не даст!.. Черниговский брат что скажет, то уж сделает!.. Что и говорить! У него не семь пятниц на неделе!.. Посылать так посылать!

Выбрали послов и велели им сказать князьям: "Мы худо сделали, что прогнали своего князя, а теперь он ведет на нас Польскую землю. Ступайте в город отца вашего! Если же не хотите, нам ничего больше не остается делать: зажжем свой город и уйдем в Греческую землю!"

Святослав отвечал на это: "Мы пошлем к брату: если пойдет с ляхами губить вас, то мы пойдем против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если хочет прийти с миром, то пусть придет с малою дружиною".

В самом деле, в тот же день боярин Пере-
нег от князя Святослава и боярин Никифор от
Всеволода поехали навстречу князю Изяславу
и королю Болеславу II. Передовая стража при-
вела послов прямо к шатру, в котором сиде-
ли король, князь Изяслав Ярославич, князь
Мстислав Изяславович, старший сын киев-
ского князя, боярин Туки и многие польские
начальники. Речь держал боярин Никифор.

- Князь Изяслав Ярославич! - сказал он. -
Братья твои, князь Святослав и князь Всево-
лод, тебе шлют поклон. Всеслав бежал: так не
води ляхов к Киеву. Противника у тебя нет,
ворота Киева тебе отворены, иди и не носи с
собой гнева. Если же не перестанешь сердить-
ся и захочешь погубить город, то знай, что
князьям жаль отцовского стола.

- Конечно, жаль, - отвечал король Боле-
слав. - Город-бунтовщик должен быть при-
мерно наказан: камня на камне не должно
остаться.

- Нет, Болеслав Казимирович, - заметил
князь Изяслав, - у нас так не водится; если
князья-братья прислали мне сказать, что им
будет города жаль, то это означает совсем

другое. Послы у нас сказывают посольские слова мягко, а что за этими словами стоит, мы расспросим у бояр. Все ли вы посольское сказали, бояре?

- Все-все, - отвечали посланные.

- Ну, так садитесь с нами и потолкуем, - сказал Изяслав.

Послы уселись, и мало-помалу из разговоров стало ясно, что губить Киева никак нельзя, что за него князья пойдут на Изяслава ратью, потому что это город не его, а отцовский, дедовский, что он принадлежит всей семье Ярославичей и один из них не должен губить общего семейного достоинства своею личною местью. Решено, что двое-трое крикунов, зачинщики смуты, должны быть наказаны, что польское войско возвратится домой, а с князем и с королем войдет в город только небольшая дружина, человек пятьсот. Вперед поедет старший сын князя Мстислав с боярином Тукой, чтобы все приготовить для приема почетных гостей. На беду, боярин был самым дурным советчиком молодого князя. Только он въехал в город, как принялся под рукою разведывать: кто первый посоветовал освобо-

дить Всеслава? Человек полтора ста тогда расадили по тюрмам, и так как Изяслава ожидали назавтра, то боярин поспешил из них семьдесят в ту же ночь удавить, а остальным выколоть глаза по царьградскому обычаю. Сколько тут невиноватого народу погибло понапрасну, никто не знает, потому что суда не было никакого, виноватые набирались в тюрьмы по слухам, а по слухам всякий может быть виноват.

Изяслав вошел с поляками в Киев, и никто ему не обрадовался, потому что ослепленные люди были выпущены из тюрем, а родственники удувленных рано утром получили тела для погребения.

Король Болеслав был в родстве с русским княжеским родом: он женат был на русской княжне Вышеславе, а Изяслав - на сестре короля. Но никакой на свете народ не любит многочисленного войска в своих стенах. Братья тоже не встретили старшего князя: узнав об избиении людей в тюрмах без суда, они осердились и воротились с дороги домой. Изяслав не исполнил данного им обещания и казнил жителей Киева без суда и справедливости.

вости.

Но князь не унывал: он знал, что переговорами он дойдет до мира с братьями. А между тем времени он не терял и, присоединив к своей дружине польский отряд, двинулся в Полоцк. Князь Всеслав, услышав о прибытии русского и польского войска, бежал, а в Полоцке сел княжить старший сын князя, Мстислав Изяславич.

Всеслав появился на устье реки Невы и стал собирать там удальцов, пришел с ними к Новгороду; но посадник Остромир не дремал. В один день собрал новгородских молодцов и насильно задержал князя Глеба Святославича. Этот бедный князь два раза бежал из Тмутаракани от брата Ростислава и думал, что так и следует делать всякий раз, как кто-нибудь вздумает на него нападать. Но Остромир не был на это согласен.

- Как ты хочешь, князь, - говорил он Глебу, - а я отпустить тебя не могу. Мои люди никак не удержатся, если только проведают, что князь бежал: они подумают, будто дело опасно и им не одолеть. А с войском так нельзя. Бойся про себя сколько хочешь, а вслух не со-

мневайся ни в чем и делай вид, будто победа - решенное дело. А нам уступить вожанам нельзя: Вотская пятина - наша новгородская земля, и нам все равно, с кем пришли вожане - с Всеславом или с кем другим, это не годится! Они должны сидеть смиренно и против Новгорода, как против отца родного, не смейт подниматься. Уж как ты там знаешь, батюшка-князь, скрепись хоть на малое время, а не уезжай...

- Оставь меня, дяденька Остромир, - отвечал на это князь Глеб, полумертвый от страха, - я этих сражений до смерти боюсь. Изгой Ростислав так меня раз напугал, еще там, в Тмутаракани, что я только подумаю о сражении, у меня в глазах темнеет...

- Ну, вот и хорошо, так и будем знать, - отвечал посадник. Ростислав от сражения отучил, а Остромир приучил. Поводья я тебе в руки не дам, а сам буду держать, и поедем перед полком так только, для видимости...

Эта ли видимость помогла или что другое, только новгородцы искрошили вожан и остатки погнали. Князь Глеб после того две недели был болен и, как стал поправляться,

говорил Остромиру:

- Нет, дяденька, ты этим не шути. Что было перед сражением и после того, как началась драка, я не помню, а помню только, что лежит отрубленная рука и к ней прилип тяжелый меч, прилепился черным сгустком крови. И дальше ничего не помню, так замертво и повалился. Чья это рука была, дяденька Остромир?

- Э, князь! Есть о чем толковать! - отвечал Остромир. - Мало ли рук и голов там валялось? А ты вот посмотри на князя Всеслава. Он ли не в самой горячей свалке рубился? Он ли не получил десятка два ударов по шелому и броне? А ты слышал, он опять набрал удальцов, подступил к Полоцку и выгнал князя Святополка Изяславича. Старший-то сын князя Изяслава, Мстислав, скончался, на место его сел Святополк, да недолго усидел - бежал в Киев.

- Ну, Всеслав - другое дело, - сказал Глеб. - Он кровожаден от природы. Ведь у него в мозгу прирожденная язва и носит он заколдованную болячку, от нее-то он лют на брани, не может не воевать. Сохрани меня, Господи,

чтобы я чем-нибудь был похож на того изверга...

А тем временем князь Изяслав опять послал против племянника войско. Однако между тем, веря в силу переговоров, послал к нему своего боярина Чудина. А переговоры были ему нужны, потому что братья все не мирились с ним от души, не приезжали в Киев, отговариваясь то недосугом, то нездоровьем. А от людей своих он узнавал, что братья на него гневаются и нередко зовут клятвопреступником.

Однажды был и такой случай, что Изяслав готов был собрать войско и идти против брата. В пещере киевский старец Антоний основал монастырскую обитель. Князья и народ уважали святого мужа, знаменитого кротостью, младенческим простосердечием и строгою жизнью. Многие бояре оставляли мирские почести и в тесных пещерах Антония принимали иноческий сан, и на это князь Изяслав гневался.

Когда Всеслава привезли связанного и посадили в киевскую тюрьму, Антоний громко порицал клятвопреступника. После, когда

Изяслав вернулся в Киев с поляками и, не сдержав обещания, данного братьям, казнил в тюрьмах невинных вместе с виноватыми, старец Антоний опять громко порицал князя.

Изяслав послал в его бедную пещеру боярина Туки объявить монаху, что князь им недоволен. Антоний благословил вошедшего и спросил, что надо знатному боярину в бедной келье. Туки старался объяснить монаху, что волю давать языку своему не годится, если хочешь жить в мире, что князь впредь не потерпит, чтобы монахи у него под ногами подкапывали княжескую власть. Старец смиренно выслушал строгий выговор и еще смиреннее отвечал:

- Великий боярин! Я ничего не говорил, ничего не порицал. Это говорила совесть князя Изяслава, и если он впредь не потерпит, чтобы она возвышала свой голос, то и не князем, и не человеком, а зверем хищным будет. Да, моя смиренная пещера у него под ногами, он может засыпать здесь нас всех. Но совесть свою не засыплет он и гробовою своею землей. В обителях небесных она громко возопит: я клятвопреступник! И не нужно будет

князю Изяславу моего слабого голоса, чтобы пойти в геенну огненную: сам пойдет...

Боярина Туки ничего не смущало, но как поступить с почитаемым всеми основателем Печерской обители, он придумать не мог.

- Прости меня, боярин, - сказал монах, - я говорю то, что приказал мне говорить Господь, и если б я умолчал правду, я утаил бы то, чем держится свет. А если и мы, смиренные иноки, не станем говорить правды, свет стоять не будет.

Боярин ушел, обдумывая, что бы такое сделать с упрямым монахом. И князь был очень сердит. Монахи стали поговаривать, что Антония скоро выкрадут, куда-нибудь свезут и погубят. Какова же была досада князя, когда он услышал, что как-то ночью люди князя Святослава свезли Антония в Чернигов. Там Антоний нашел безопасное убежище, и Святослав часто с ним беседовал.

- Это что же такое будет? - говорил Изяслав своему боярину. - Твой список, видно, опять надо переделывать. Кто же старший-то князь в Русской земле? Младшие делают что им надобно, к старшему и глаз не кажут...

- Дело неладно, князь, - отвечал Туки, - а поправить можно. Есть у нас сосед, с которым мы давно враждуем, и драться он молодец. Протянем ему руку, он нам пособит у братьев поубавить спеси.

- Это с Всеславом-то помириться? - спросил князь. - Да в уме ли ты, боярин?

- Так-то в уме, что лучше не надобно; Все-слав доказал, что его ничем не угомонишь. Вот и выйдет, что он рука, а мы голова, а здоровой головой с крепкой рукой чего не сделаешь? Все можно сделать...

Уговорил боярин своего князя на дружеские переговоры с Полоцком. Чудина вызвали назад в Киев и указали ему, как вести речи и куда клонить дело. Эти переговоры не остались тайной для братьев, и сначала Святослав послал сказать Всеволоду, что Изяслав с Все-славом замышляют что-то худое. Стали при-слушиваться, подсылали своих людей и узнали всю правду. Тогда братья собрали войско, перешли в начале 1073 года Днепр, стали в Берестове, и боярин Никифор взялся ехать в город. На полпути он встретился с боярином Туки, который был послан к братьям для пе-

реговоров. После первых приветствий бояре отослали подальше своих людей и стали совещаться.

- Так вот, старый товарищ! - сказал Туки. -
Вовсе выживать нас пришли?

- Да, боярин, - отвечал Никифор, - я думаю, тебе с князем Изяславом больше нечего делать, как только опять ехать в Польшу.

- Что же? Мы дорогу знаем, - отшучивался Туки. - Однако прежде мы попробуем меча: дружина у нас сильная, а Киев встал как один человек.

- Я тебе верю, боярин, - сказал на это Никифор, - но на кого встал Киев, я сказать не смею. Неужели ты думаешь, что мы сунулись в воду, не спросясь броду? В Киеве мы припасли себе немало друзей, пока вы искали себе друзей в Полоцке, и если Киев встанет, то за князя Святослава, а никак не за Изяслава. Нет, боюсь, что вам одна дорога и осталась.

- Ну, в Польшу-то мы еще погодим! - отвечал, немного подумав, боярин Туки. - Мы еще в Полоцке попробуем да в Новгороде: земля у нас еще велика. Ведь не раз в старину бывало, что Новгород сажал князей в Киеве.

- Ну что же? Скатертью дорога, - сказал Никифор. - У нас в Полоцке нет друзей, это я тебе по правде скажу, да с князем Всеславом и мудро дружить: сам с воробья, а сердце с кошку. А в Новгород вам не дорога. С тех пор как там сидит Глеб Святославич, мы хорошо водились с Новгородом, и там посаднику боярину уже известно, что как только Святослав сядет в Киеве, так присягнет на Ярославовых грамотах и три года с Новгорода ни гривны не возьмет.

- Да, хорошо обработали! - сказал Туки, понимавший, что его князю ничего больше не оставалось, как бежать в Польшу. - Стало быть, обработали, обошли, обложили, со всех сторон обрезали. В науку бы мне следовало идти, боярин, в греческую науку. Да жаль, позднеенько, особенно потому, что наука не пиво, в рот не вольешь...

Бояре простились по-приятельски и разъехались каждый в свою сторону, чтобы исполнить возложенные на них поручения. Туки выторговал Изяславу целую неделю на то, чтобы собраться и не торопясь выехать. Изяслав воспользовался этим, забрав всю свою

казну, не оставил ни гривны, ни горностаевой шкурки и выступил в Польшу с сыновьями и с огромным обозом, говоря: с золотом добуду себе дружину.

В Польше его встретили не очень-то дружелюбно: была война с чехами, а с чешским Вратиславом потруднее было справиться, чем с киевским Всеславом. Кроме того, польские бояре сердиты были на Изяслава за то, что в прошлый поход он не дал им добраться до Киева и воротил с дороги, так что они ничего не успели пограбить за свои труды. Но Изяслав не унывал: он надеялся на свою громадную казну, а еще больше на переговоры и долго торговался с боярами, которые не соглашались на новый поход в Киев. Он им давал меха, серебро, золото; они благодарили его, а все-таки не шли. Некоторые из них говорили даже, что по-настоящему все его добро принадлежит им, потому что они посадили его в Киеве и дали ему средство нажать всю эту благодать. Он отшучивался, ловко продолжал переговоры и, уговорившись о цене помощи, отдал королю и боярам почти все, что у него было.

Его опять поблагодарили, сказали, что это совершенно довольно за прошлый поход, а за новый следует с него получить, и теперь же, вперед, еще столько же.

Потеряв все, князь Изяслав бранил короля, бранил бояр, называл их разбойниками, которые ограбили заезжего гостя.

Король Болеслав, занятый опасною войною, "указал ему путь от себя", то есть просто попросил его уехать, куда ему будет угодно.

В страшной досаде, почти в бешенстве, возвратился он в дом, который нанимал для себя и своего семейства; застав Туку за чтением списка русского княжеского рода, вырвал у него из рук свиток, смял и бросил на пол.

- Что ты, старый дурень, тут рассматриваешь эту негодную грамоту! вскричал он в великом гневе. - Все пропало! Понимаешь ли ты, все пропало!

- Видно, моего бедного друга очень рассердили ляхи, - сказал спокойно Тука, - если он решился обидеть старого и верного друга. И как это все пропало, когда головы наши еще на плечах? И что же? Король не хочет найти управу на своих бояр? Княгиня Вышеслава

ничем пособить не может? Так неужели же мы сами на короля Болеслава управы не найдем? А на что же тогда в немецкой земле император? Старый маркграф Саксонский проводит нас до самого Майнца и покажет дорогу к молодому императору. Говорят, Генрих IV теперь поправил свои дела и взял власть в руки как следует.

Изяслав смотрел на своего боярина с изумлением, а потом бросился его целовать.

- Вот умница-то! Экое сокровище Бог мне послал! Миленький Тукушка! Тебя озолотить надо! Тебе надо Вышгород отдать в вечное владение! Ведь дал же Господь одному человеку палату ума!.. Голубчик, едем! Когда ты видел маркграфа Саксонского? Сбегай к нему, дружище!..

Через несколько дней князь Изяслав выехал в Майнц жаловаться немецкому императору на братьев, которые выгнали его из Киева, и на польского короля, который обобрал его чуть не до нитки. В ту дальнюю пору немецкие земли были так же дики и так же мало населены, как и наши, и бедность была такая же, как у нас.

Когда Изяслав посмотрел, как живет в своем дворце немецкий император, то крепче прежнего пожалел о своем высоком тереме, о своем милом Киеве, против которого Майнц был жалкой деревушкой.

Из жалких остатков казны Изяслава набрали кое-какой мелочи, поднесли императору в виде дара, и эти жалкие крохи показались ему таким огромным богатством, что он стал завидовать русскому князю.

Снарядил император посольство, выбрал послом человека, уже бывавшего в Русской земле, именно Бурхарда, родного брата Оды, которая еще при Ярославе вышла замуж за Вячеслава Ярославича. Бурхард провожал тогда молодую княжну в Русскую землю, и ему понравилось тамошнее широкое житье. Когда он уехал, Изяслав стал считать дни, чуть ли не часы, мысленно представляя, где в настоящий момент могло находиться посольство. И в этом помогал ему боярин Туки и доставлял князю несказанное удовольствие, когда по его расчетам получалось, что Бурхард отъехал дальше, нежели предполагал князь.

Но по мере того как истекало время и мож-

но было ожидать возвращения императорского посольства, Изяслав терял надежду. Ему приходило в голову, что брат Святослав, пожалуй, не послушается императора.

Генрих IV написал ему на латинском языке строгую грамоту, велел отдать Изяславу Киев и грозил в случае неповиновения послать войско, храброе и непобедимое. Но как же этому быть? Войску императорскому надо будет пройти через польские земли, а король не пустит. Император благоволит к Вратиславу Чешскому, а король Болеслав II с ним воюет как ни в чем не бывало, да еще побивает его. Да испугается ли Святослав императорской угрозы?

- Ничего, брат Туки, из этого не выйдет, - говорил в унынии Изяслав, - Русская земля далеко, войско императорское туда не пойдет, напрасно ты втянул меня в это скитание по чужим порогам. И мне, русскому князю, не пристало стоять у императорского престола с разными там немецкими курфюрстами и маркграфами. Не ляжет ли на тебя, дружище, великий грех? Ведь мы признали себя почти что подданными императора, его подручны-

ми. Что, как брат Святослав еще посмеется над этим да скажет, пусть Изяслав будет немецким подданным, а Русской земли императору не достать, как месяца на небе?

- Это, князь, не беда, - отвечал Туки, - это все только для виду делается, и если ты постоишь у ступеней Генрихова престола, то это только на время, это одни переговоры, а с переговоров - что взять, сам ты знаешь. Вернемся в Киев, так не бойсь, никому не поклонимся... А если император нам не пособит, то мы найдем управу и на него. В Риме есть папа, а Григорий VII шутить не любит: прикажет, так против него здесь никто слова не пикнет.

- Ну нет, к папе-то я уж не поеду: ему надо туфлю целовать, а у меня на это, хоть и для виду, как ты говоришь, спина не согнется. Папа, это не то что император. Ему уступи мизинец, так он и руку к себе потащит, и человека, и всю его землю оседлает и поедет, как будто так и надобно...

- Правда твоя, князь, - сказал Туки. - С папой Григорием надо будет поосторожней обращаться, но тебе самому можно в Рим не ехать. Пошли меня с князем Ярополком Изя-

славичем. Мы ему и туфлю поцелуем, и все штуки продедаем, и это все с нас сойдет как с гуся вода. Конечно, он на нас и не взглянет, если мы ему не покоримся, а как признаем его главой, посмотрим, как обрадуется, как в Святую землю народ пошлет, только чтобы посадить новообращенного князя...

- Как? - вскричал Изяслав. - Ты хочешь от Царьграда отложиться?* Ты хочешь, чтобы царьградский патриарх нас проклятию предал? Да ты, видно, вовсе с ума сошел!

* Т. е. отделиться.

- Нимало не сошел! - отвечал боярин. - Чем же римский папа хуже царьградского патриарха? Чем? Что он власти больше заберет? Ну, это еще неизвестно, кто сильнее! Вот у нас в Киеве простой был монах, Антоний, да и с тем мы не знали, что делать, так дерзок был на язык! А папа что же? Папа далеко, до нас не достанет. А впрочем, все это в наших руках: как сядем опять в Киеве, так посмотрим. Если папа не будет пригоден, мы его и забудем, вот и все. Это одни только переговоры, князь, а с переговора что взять, ты сам это

знаешь...

Когда Бурхард Трирский вернулся в Майнц и привез от Святослава невероятно богатые дары, Изяслав почти впал в отчаяние. Святослав обласкал Бурхарда, показал ему несметные богатства своей казны, угостил так, как Бурхарду не случалось угощаться с тех пор, как он пировал при Ярославе, а о брате Изяславе говорить не захотел.

- Есть, говоришь ты, в Майнце у вас какой-то Изяслав, что называет себя русским князем и стоит у императорского престола вместе с маркграфами? Такого не знаю, да думаю, что такого и быть не может. Русский князь, пожалуй, братом назовет императора, чтобы никого не обижать. Так и скажи ты моему брату Генриху IV; а чтобы русский князь немецким маркграфом был, так этого быть не может. Это у вас в Майнце самозванец какой-нибудь объявился. Был у меня, точно, старший брат Изяслав, в Киеве сидел. Но он не ужился с братьями, не ужился и с киевлянами и уехал. Из княжеского рода он вычеркнут, и никакого больше Изяслава у нас нет.

- Тукушка! Поезжай в Рим! - говорил Изяс-

лав тоскливо. - Покажем мы этим разбойникам братьям, что они раненько распорядились с нашим списком княжеского рода. В самом деле, братцы любезные выкинули меня не только из моей земли, но и из нашего списка! Поезжай, Туки! Целуй что хочешь, только бы мне быть в Киеве!

И верный боярин с князем Ярополком отправился в Рим предлагать покорность Русской земли папской власти и просить помощи.

Без сына и без любимого боярина Изяслав тосковал в Майнце пуще прежнего. С великою жадностью собирал он всевозможные вести из Русской земли, а в известиях недостатка не было. Прошел слух, что для войны с чешским Вратиславом Болеслав II вступил в союз с русскими князьями и русское войско с двумя молодыми князьями, Олегом Святославичем и Мономахом Всеволодовичем, идет ему на помощь. Изяслав понял, что это было сделано назло императору, который был во вражде с Болеславом Польским, и с нетерпением ждал вестей из чешской земли. Ему хотелось, чтобы русские князья, Олег и Моно-

мах, были разбиты. Из Рима он тоже получал известия, и очень хорошие. Папа милостиво принял дары, допустил Ярополка и боярина Туки до своей особы и обещал приказать королю Болеславу послать войско на помощь изгнанному русскому князю. Но князь не верил этому, считал, что со стороны папы это одни только переговоры и что если он в самом деле напишет польскому королю такой приказ, то как же он его исполнит? Ему придется идти войной против нынешних своих союзников. И в великом унынии князь Изяслав сидел в своей горнице, не выходя и к императору, когда он по праздникам принимал всех своих маркграфов и баронов.

Вдруг обстоятельства круто переменились. Он получил от Болеслава письмо, в котором король называл его любезнейшим братом, жаловался на его племянников, обещал помощь и говорил о союзе и вечной дружбе. Вслед за этим письмом явился и боярин Туки. Князь хотел его обрадовать письмом Болеслава, но боярин все знал, потому что сам был у польского короля, отправившись к нему из Рима.

- Хотелось мне, - говорил он, отдавая отчет о своей поездке, довершить дело так, чтобы привезти тебе готовенькое. Из Рима проехали мы через венгерские земли и узнали, что в чехах настал мир. По мне хоть бы и война, так все равно, потому что гонцу с папской грамотой везде дорога. Мне в Риме говорили, что с такой грамотой можно пройти пешком через горящий лес и огонь будет расступаться. Ну, да пока не в том сила. Чешской землею еду и вижу такое разорение, что волосы дыбом становятся, точь-в-точь так, как мы, бывало, разоряли полоцкий край, когда воевали с Всеславом. Что за притча*, думаю? И что же выходит? Вратислав как услышал, что идут в его землю молодые русские князья, поскорее заключил мир и заплатил Болеславу тысячу гривен. Король и посылает сказать племянникам, чтобы они шли домой, что больше их не надобно, а они и слышать ничего не хотят. "Как так? - говорят. - Ничего не сделавши, да домой! И отцам нашим, и земле стыд будет великий, если мы, ничего не сделавши, воротимся домой. Назад нам идти нельзя, надо взять свою часть". Да четыре месяца и ходили

по чешской земле с войском, стало быть, четыре месяца ели, пили, жили, грабили, разоряли, так что наконец король Вратислав догадался, прислал к ним просить мира. Взяли они тоже тысячу гривен, помирились и пошли домой. На это король Болеслав очень уж обиделся, как они, его союзники, смели воевать, когда он замирился. Как раз в это время, как он очень уж был сердит на Святославича да на Всеволодовича, я кстати подоспел с папской грамотой. И делу конец. Станем-ка понемногу собираться уходить отсюда. В Кракове нас поджидают...

* П р и т ч а - здесь: наваждение, морок.

Пока Изяслав собирался выехать из Майнца, пришло еще одно важное известие: князь Святослав в Киеве умер, а брат его Всеволод сделался князем киевским.

Князь поспешил оставить Майнц, потому что Всеволод, сделавшись единым властелином Руси, мог собрать такие огромные силы, что Болеславу ввек бы с ним не справиться. Болеслав тоже спешил наказать Русскую землю за то, что молодые князья против его во-

ли долго воевали чешскую землю, и потому польское войско выступило в самый день приезда Изяслава.

Боярин Туки с нетерпением ждал встречи с боярином Никифором, чтобы как можно больнее наказать его за ту беседу, что велась между ними на дороге из Берестова к Киеву. Но едва польское войско перешло русскую границу, как явились послы от киевского князя. Это были старый боярин Никифор и другой, именем Порей, когда-то служивший верой и правдой изгою Ростиславу. Прежде всего Никифор повидался с боярином Туки и привез ему от князя Всеволода поклон и хорошенький дар - сто гривен серебряных. Боярин дар принял, отвесил поклон в ответ на княжеское приветствие и повеселел.

- Видно, на роду тебе написано, боярин, - сказал он Никифору, побеждать нашу сторону: против такого оружия, как княжеская ласка, мудрено бороться! Ну как же у нас теперь разговоры пойдут? Как дела-то у нас?

- А дела очень простые, - отвечал Никифор, - князь Всеволод уступает Изяславу старшинство и Киев, а сам едет назад к себе в Пе-

реяславль, вот и все дела. Об одном только просит, чтобы поляков не водить...

- Это можно будет сделать, это мы князю Всеволоду устроим, как ему угодно за его добродетели, - отвечал боярин и в самом деле сумел уговорить Изяслава отдать Болеславу некоторые червенские города, с тем чтобы войско туда и повернуло.

Торжественно вступил Изяслав в Киев, проскитавшись несколько лет по чужим землям. Но недолго он пожил спокойно. По совету боярина Туки он не дал волостей сыновьям брата своего Святослава, те ушли в Тмутаракань, пришли назад с половцами, и в битве близ Чернигова Изяслав был убит 3 октября 1078 года.

КОММЕНТАРИИ

РАЗИН АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВИЧ (? - 1875) - известный писатель, просветитель. Выходец из крестьян Владимирской губернии. Закончил гимназию, был учителем русской словесности в Павловском пажеском корпусе. Служил по различным ведомствам, в частности - по крестьянскому в Польше. Являлся соиздателем "Журнала для детей". Его считали писате-

лем для юношества, чему немало способствовал яркий, доходчивый язык и просветительский характер его произведений. Много издавался. В Санкт-Петербурге вышли его книги: "Путешествие по разным странам мира" (1860), "Настоящий Робинзон" (1860), "Рассказы о природе и ее явлениях" (1861), "Исторические рассказы к биографии" (1861), "Рассказы о животных и растениях" (1864). Большой труд был вложен А. Разиным в создание "Свода узаконений и распоряжений правительства по устройству поселян-собственников". Постоянно проживал на станции Любань, где занимался врачебной практикой.

Рассказ "Изяслав-скиталец" - свидетельство незаурядного мастерства писателя, которое позволило вместить в малую форму произведения весь период княжения Изяслава, воссоздать живую атмосферу того времени, с его междоусобными войнами, интригами, борьбой за власть. Этому способствует выразительная архаика языка повествования. Автор создал как бы "портрет" языка, на котором говорила Древняя Русь.

Рассказ "Изяслав-скиталец" печатается по

изданию: Р а з и н А. Е. Откуда пошла Русская земля и как стала быть. СПб. - М., Вольф, 1874 1878.

С о в р е м е н С в я т о с л а в а... - С в я т о с л а в I (? 972) - князь киевский, сын князя Игоря.

К н я з ь В л а д и м и р н а е з ж а л... - В л а д и м и р I (? 1015) - князь новгородский (с 969), киевский (с 980). Младший сын Святослава. В народе и в русских былинах назывался Красное Солнышко.

...внуку того самого Болеслава Храброго... - Б о л е с л а в I Х р а б р ы й (967 - 1025) - князь польский (с 992), король (с 1025 гг.). Из династии Пястов. Объединил польские земли.

В е д ь у н е г о в м о з г у п р и р о ж д е н н а я я з в а... - Р е ч ь и д е т о п о л о ц к о м к н я з е В с е с л а в е Б р я ч и с л а в и ч е (? - 1101), отличавшемся злобой и жестокостью. Летописцы суеверно связывали эту жестокость с тем, что у князя якобы была на голове под волшебной повязкой врожденная язва. На самом деле причина крылась в том, что, претендуя на великокня-

жеский престол, Всеслав ненавидел сыновей Ярослава.

...если Киев встанет, то за князя Святослава... - То есть Святослава II Ярославича (1027 - 1076), князя черниговского (с 1054), великого князя киевского (с 1073), брата Изяслава Ярославича.

...присягнет на Ярославовых грамотах... - Имеется в виду "Русская правда" - древнейшее собрание гражданских установлений. Как говорил Н. М. Карамзин, "верное зеркало тогдашнего состояния России"; это были первые письменные законы на славянском языке.

Генрих IV (1050 - 1106) - германский король и император Священной Римской империи с 1056 г. Отвечая на просьбу Изяслава о помощи в возврате престола, король послал трирского чиновника Бурхарда с соответствующей миссией в Киев, где в это время сидел на престоле Святослав, который подкупил послов. Немецкий летописец свидетельствует: "Не видали мы столько золота и серебра и богатых тканей". Генрих IV был обезоружен такой щедростью. Тем все и кончилось.

...Григорий VII шутить не любит... Григорий VII Гильдебранд (между 1015 и 1020 - 1085) римский папа (с 1073). Боролся с Генрихом IV за право верховенства пап над светскими государями. Узаконил безбрачие католического духовенства.

Царьград (Царьград) - древнерусское название Константинополя столицы Византийской империи.

...распорядились с нашим списком княжеского рода. - Уже в ту пору существовали некие письменные родовые словные, призванные определить происхождение и родственные связи князей, т. е. на практике устанавливавшие очередность княжения и право владения землями и уделами.

...сумел уговорить... отдать некоторые червенские города... - Имеется в виду группа древнерусских городов и замков в X - XIII вв. на Волыни: Червен (город-крепость - центр червенских городов), Волынь, Сутейск и др.